ЛЮДИ ИСКУССТВА

По Яузе-реке

На недавней выставке Фаворского среди его карандашных портретов был парный портрет Гурия Захарова и Иллариона Голицына. Они сидят рядом; прищурившись сквозь очки, задумался Голицын, и, обернувшись к нему, словно спрашивает о чем-то Захаров. Рисунок датирован 1961 годом. Это время их молодости, когда жил и работал светлый человек, учитель для них обоих — Владимир Андреевич Фаворский. Могучее очищающее влияние его личности и таланта испытала каждая способная к восприятию душа; он определил духовный климат, нравственную структуру всех, кто имел счастье попасть в его орбиту. Гурий Захаров обязан ему многим — строгим отношением к искусству и правде жизни, высоким профессионализмом.

Обоих молодых людей роднило внимание к жизни близкой, простой, неприкрашенной — черта общая для всего этого поколения художников: утренние электрички, рынки, дворы, стадионы. Но сквозь сцены будней каждый стремился прозреть глубинную суть, найти ось, соединяющую простые явления в мудрую, сложную жизнь.

С именем Гурия Захарова, равно как Голицына. Обросова и позднее Бородина, связан на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов расцвет черно-белой линогравюры. В те годы Захаров, определивший свое призвание графика, поселился на одном из перекрестков Таганки, невдалеке от церкви Успенья в Гончарах, влюбился в этот Таганский холм между Яузой и Москвой-рекой и так «изрисовал» все это Заяузье, что стал вроде его хозяином, будто ничего и не было ранее, пока он подрастал в своих Кимрах среди вольной природы, ледоходов, гроз, паводков и недалеко еще ушедшего в те годы грома войны. Швивая горка, Гончарная, Болвановка, Таганская, Рюмин, Тетеринский, Вагин переулок, берега Яузы, Андроников монастырь — он одушевил эти места, населил людьми, которых любил, и каждый дом стал говорить его речью, каждая улица рядиться в его настроения. И ничего не меняется оттого, что многие и прекрасные произведения сделаны здесь другими художниками. Большая и важная часть жизни — два десятка лет творчества оказались заполнены у него Таганкой, Яузой.

«Рисую то, что вижу вокруг, все мои листы автобиографичны, это моя жизнь и мои ощущения,— говорит Гурий Захаров.— Хотелось чтобы все было правдиво и выражено сильно и просто. И чтобы мотивы были не частные, а большие, а чувства разные и сложные...» Он так и делал: прочно и сильно рисовал белые зимы, звездные ночи, темные летние деревья, сугробы, колокольни, вывески Таганки, ясно чувствуя, что она, Таганка,— вся спор и контраст, соединение того, что уходит и подхвачено на краю падения, с тем, что возникает и, утверждаясь, должно держать ответ перед будущим. Рядом с милой красотой старых улиц встает Краснохолмский мост, и гравюра того же названия ритмическим напряжением штриха строит его каменную мощь, упругие арки, горизонтали набережной, а яркая белая обводка словно в тугой узел связывает весь этот гранит и бетон. Возникает серия о реке Яузе: вот она повернула вправо в своем каменном ложе, вот влево, то мчатся над нею по эстакадам поезда и машины, то легкий горбатый мостик связал берега, вот встал над рекой силуэт древнего храма — Захаров следует за всеми ее поворотами вплоть до впадения в Москву-реку.

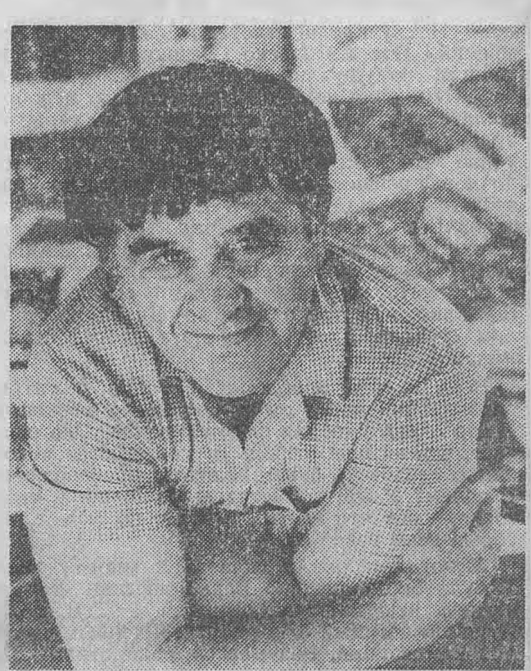
Все просто в этих гравюрах, но и бесконечно сложно, все недвижно, но все одушевлено. Жизнь будто и обыденная, а сколько в ней сложных связей, незамеченных судеб, как переплелось возвышенное с заурядным. Неожиданным сдвигом пространства, необычным ракурсом, экспрессией детали Захаров достигает нужной ему выразительности. В «Московской улице» густые массы деревьев исполосованы тьмой и светом, все полно беспокойства, ветра, отзвука шагов, зыбкой неверности теней, а в «Яузских воротах» силуэт молодой незнакомки окружен сказочным, космическим сиянием звезд, светил и фонарей. В «Тетеринском переулке» ей же — незнакомке — подчинены все завитки карнизов, игра узоров, навесов парадных дверей старых купеческих домов; все — лишь фон, сопровождение женщины, постукивающей своими каблучками по тротуару переулка.

Пожалуй, трудно сыскать в сегодняшнем нашем искусстве другой пример такого непременного присутствия лирической героини, единого женского образа, как у Захарова. Постоянство это начинается с совсем ранних гравюр «Пляж», «Интерьер в Лосиноостровской», «Материнство», где белым контуром по черному легко очерчен силуэт юной матери и ребенка. Героиня читает, прогуливается, хозяйничает, отдыхает — она сама полнота жизни, ее устойчивость и красота. Случается, восхищение оборачивается добродушной улыбкой, шутливой стилизацией под старинный лубок, и, может, этим особенно прелестны листы «У самовара я и моя Маша», «Деревенское окно».

Захарову очень удается эта интонация игры, перевоплощений, шаржа, он охотно переключает ее и на себя — в его автопортретах тоже и гротеск, и улыбка, словно бы от желания соотнести себя и время, дать иной подтекст, внести полутон в общий высокий строй своего искусства.

Черное и белое — средства гравюры. В живописи нас радует и увлекает цвет — краски, в гравюре — черно-белый штрих, его направление, сила, его серебристая легкость или бархатистая тяжесть и свет, который то растворяет предмет, то сгущает тьму до великолепия полного черного. Да и само прикосновение руки — живой след резца — не может не вызвать того же ощущения, что мазок в живописи. Мастер, мастеровой, мастерство — понятия одного корня. Приходит время, когда тяжелая прочность линогравюры уступает у Захарова место свободной, «мохнатой» технике офорта по стали — и снова, и снова пластический «поединок» черного и белого.

Таганка, Яуза, Россия — судьба художника,



его почва и сущность. Его влечет в места, овеянные стариной: русские города и русская природа, облака, листопады, холмистые дали — мир открывается широко, с огромными небесами; глубиной чувства его гравюры волнуют, как стихи, как ода в честь земли и неба, в честь человека, его дома, труда, дыхания на земле. «Радуга над Усольем» — какой торжественностью полна эта вещь! «Ферапонтово» — какое сияние в этой осени, обрамленной плетением черных ветвей, которые теряют свои последние листья, падающие, летящие, как рифмы! А животные, звери? Кони ржут на «Озере Мальском», бродят в росистой траве, домашние коты лукавы и таинственны; а еще добрые кормилицы — коровы, козы, овцы. Облака же, похожие на скульптуры, движутся, плывут; восходит и заходит солнце, звезды сияют, лучатся, нимбы вокруг них, как дорогие украшения.

Художник вводит нас в тишину зарослей, в глубь леса — к ветвям, ручью, сломанному дереву. Он чуток к их тихому голосу. Орнамент ветвей и трав, узоры коры — он внимательно рассматривает их. Так же, как в деревне — бревна крестьянского сруба, наличник избы, как в городе — старинную решетку, как в доме — посуду, книгу, раковину, занавеску. Он охотно отворяет двери своего дома. В гравюре «Десять минут после полуночи» вас очаровывает свет звезды в ночном окне, полнота тишины. Что здесь происходит, в этой гравюре? Всего лишь чтение ночью в деревенской рубленой избе: ночь, тишина, женщина у светлого ореола керосиновой лампы. Тишина, чуть орнаментированная звуком маятника, трепетом белых крылышек у раскаленного стекла: власть книги, мечты, ожиданий. А за окном мерцающий луч звезды, какой-то неусыпный огонек во тьме, кони под луною... Цельность предполагает сложность — «только сложное цельно», так говорил Фаворский.

Творческая судьба не искушала Захарова неудачами, он смолоду признан, представлен в музеях, удостоен многих наград. Но он знает, что не исчерпал еще своей темы, есть еще новые ходы для продолжения работы. Недаром Илларион Голицын, давний друг, перебрав ряд сравнений и эпитетов для определения Гурия — «слон», «медведь», «большой четырехмачтовый парусник, до отказа переполненный припасами», все же основоположным считает свойство Захарова «вгрызаться» в работу. Это превосходное свойство характера тем дороже, что главные мотивы его творчества звучат с неубывающей силой. Будь то Яузские ворота в Москве, колодец в деревне Заозерье, ручей в лесу, улицы и крепости старых русских городов, завораживающих одними своими именами — Каргополь, Ферапонтово, Изборск,— все воплощает величавый образ России, память истории, такой нужной сегодня старины. Редко кому удается так цельно, так доверительно, как Гурию Захарову, соединить свое, близкое с широким взглядом вокруг — чувством Родины.

Нина ВАТОЛИНА.